

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ (1): РЕАЛИИ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ (опыт постсоветского периода)

Н.А. Коровникова

Кафедра государственного и муниципального управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Россия, 117198

В статье проводится анализ характера, динамики, факторов идентификационных процессов российского социума последних 20 лет. Автор сосредоточил свое внимание на взаимообусловленности политической идентичности и идеологического пространства современности. Показаны тенденции и перспективы формирования базовых элементов политической идентичности постсоветской России на макрогосударственном уровне.

Ключевые слова: политическая идентичность, идеология, политическое сознание, постсоветская Россия.

Основной характеристикой ментального пространства России последних десятилетий была его турбулентность, что обусловлено, с одной стороны, целым набором объективных факторов универсального характера: интенсификацией глобальных процессов, миграционных потоков, технологизацией и деперсонификацией практически всех сфер жизнедеятельности человека; а с другой стороны, спецификой глобальных социально-политических, культурных, экономических событий рубежа 1980—1990-х гг. на всем советском пространстве, в результате которых ментальные образования общественного сознания и их политико-правовые обоснования одновременно подверглись двум взаимодополняющим процессам: частичной, а в ряде случаев, радикальной трансформации и, как следствие, абсолютной дезориентации.

Очевидно, что стабилизация «идеального» пространства России невозможна без определения совокупности базовых элементов политической идентичности россиян в качестве идейно-ценностных координат общественного развития, их последующего оформления в правовом поле в качестве новой эффективной идеологической доктрины, адаптированной к условиям современности, учитывающей

недостатки неолиберального проекта, которая позволит обеспечить эффективное функционирование социума на базе идейно-аксиологического единства.

В результате для того, чтобы сегодня глубже понять специфику политической идентичности «постсоветского человека», «россиянина», учитывая ее полиаспектный, многослойный характер, необходимо сфокусироваться на решении следующих задач: учитывая опыт СССР, проследить динамику идентификационных процессов всех уровней общественного сознания на различных этапах постсоветского периода; определить инструменты и факторы, задающие направленность этих процессов; диагностировать состояние и перспективы становления макроидентичности России.

Чтобы не просто провести ретроспективный обзор последних десятилетий, но и определить их специфику, а также тенденции становления политической идентичности, очевидна необходимость обратиться к опыту советского периода в истории России.

Конечно, сегодня речь не должна идти о его абсолютизации и восприятии ментальных образований «homo soveticus» в качестве единственно правильного шаблона. Следует учесть те его позитивные функциональные аспекты, которые, с одной стороны, прошли своего рода апробацию временем, а, с другой, могут быть адаптированы к сегодняшнему социально-политическому контексту, как-то: а) первичность политической массовой идентичности в качестве доминанты в «иерархии идентичностей»; б) вторичный характер и содержание идентификационных структур на микроличностном и мезогрупповом уровнях; в) целостность, гомогенность макро-ментального конструкта — «советский народ»; г) коммунистическая идеология как питательная среда советской идентичности, базировавшаяся на: конституционных, политико-правовых основах (2), институционализированных формах политического участия — партии КПСС, научных разработках марксизма-ленинизма (3).

Эта научно разработанная и теоретически обоснованная модель достаточно длительное время обеспечивала, как минимум, эксплицитный идейно-аксиологический консенсус советского социума, который был подорван к концу 1980-х гг., с одной стороны, недостаточным вниманием к ее адаптации требованиям внутреннего и внешнего характера, а с другой, латентными деструктивными процессами и тенденциями периода «холодной войны», совокупным результатом которой для России стало уничтожение политической идентичности советского образца через институционализированную деидеологизацию общественного сознания (4), что привело к высокой степени его гетерогенности, симулятивности и даже полярности: от идеологического нигилизма до радикального национализма.

Такой хаотичный характер идентификационных структур в общественном сознании ознаменовал начало постсоветского периода, детализация которого позволяет зафиксировать четыре этапа поиска и формирования новых ментальных образований в общественном сознании: кризис, «ревитализация», конструирование и становление идентичности.

Наиболее драматичным представляется первый — кризисный этап, соответствующий раннему постперестроечному периоду (до 1994 г.), на протяжении которого наблюдалось тотальное искоренение советской политической идентичности

через резкую критику и осуждение всего, что было связано с СССР: идеология, режим, ключевые фигуры и события (5). Результатами этого этапа стали: «негативная» идентичность, идеологический вакуум, атомизация сознания, формирование новых псевдогрупповых конструктов, не отвечавших потребностям общества как социального организма в дальнейшем конструктивном развитии.

Осознание, как на элитарном, так и массовом уровнях, нежизнеспособности партикуляристских ментальных конструктов постперестроечного образца послужило импульсом для новой волны (6) поиска составляющих политической идентичности россиян и положило начало этапу «ревитализации» (1994—1999 гг.). Несмотря на сохранявшийся приоритет группового и индивидуального уровней в «иерархии идентичностей» постсоветского человека, началось восстановление патриотической составляющей в массовом сознании через обращение к ее досоветским образцам (7) (включая конфессиональный аспект: активная позиция РПЦ, ее главы), что позволило на этом этапе образовать синтез идентификационных элементов Российской империи и либерального Запада — консервативного и либерального направлений.

С завершением «ельцинского» этапа и началом нового тысячелетия начинается третий этап конструирования политической идентичности «постсоветского человека», на котором патриотизм не только остается в числе основных ценностных ориентиров, но и усиливается за счет «ренессанса советской идентичности» (8).

Консервативно-либеральный синтез предыдущего этапа дополняется социалистической составляющей советского образца. Этот идейно-ценностный «микс» (см. рис. 2) в перспективе может стать определяющим для духовно-нравственной, экономической и социальной сфер соответственно, а также послужить отправной точкой для начала четвертого этапа становления политической идентичности России, в качестве ключевого индикатора состояния массового сознания, обуславливающего и в то же время согласующегося с индивидуальными и групповыми структурами.

Анализ постсоветских лет позволяет диагностировать транзитный характер процессов формирования политической идентичности, направленность которых определялась, во-первых, ракурсом интерпретации (или реинтерпретации) коллективной памяти и, во-вторых, определенной совокупностью факторов развития социального организма («сеткой» ограничений).

Как известно, коллективная память (см. рис. 1) основывается на наиболее устойчивых элементах в сознании и выступает в качестве сильнейшего фактора самоидентификации и последующего формирования идентификационных структур, в котором, тем не менее, заложен не только конструктивный, но и деструктивный потенциал, как-то: 1) негативные аспекты: искусственный характер; несбалансированность ментальных конструктов; ригидность массового сознания; этапы кризиса, отчасти, ревитализации; 2) позитивные аспекты: модификации исторических образов и событий; апелляция к «общей судьбе»; обеспечение интегрирующей и мобилизационной функций на уровне массового сознания; этап конструирования макроидентичности.

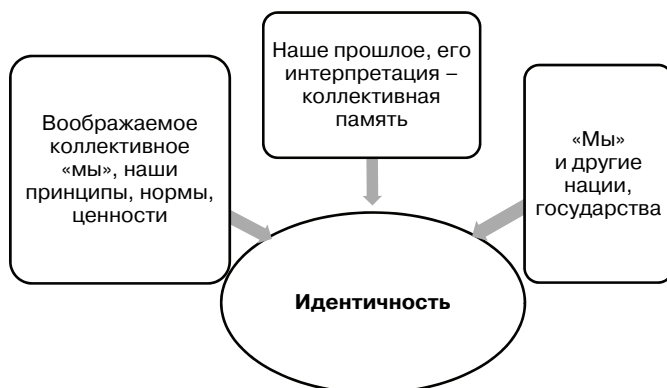

Рис. 1. Трехмерный характер идентичности как категории политической науки [4. С. 5—12]

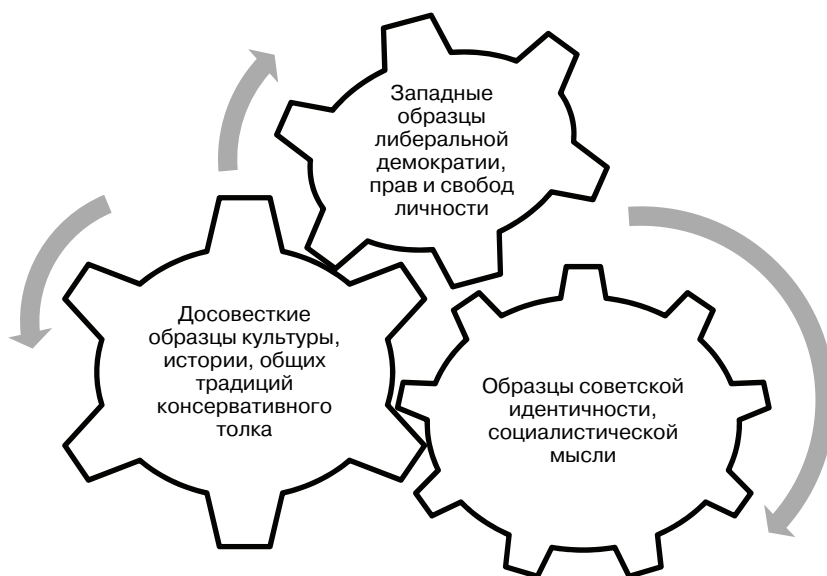

Рис. 2. Политическая идентичность как результат идейно-аксиологического синтеза

Кроме того, специфика и содержание идентификационных процессов и их результатов — ментальных структур последних двадцати лет — лимитировано совокупностью нижеследующих ключевых факторов, как-то:

— социально-экономических — *экономическая поляризация российского социума, поиск критериев социальной справедливости*, как результат, во-первых, распада советской версии не только ценностных систем и установок, служивших основой «советской» идентичности, но и экономических структур; во-вторых, рекордных социально-экономических контрастов, как по общим, так и по региональным показателям; в-третьих (как продемонстрировал недавно перенесенный кризис), зависимости России от глобального финансового рынка и его ключевых

актеров, несостоятельности в самостоятельном преодолении системных социально-экономических проблем;

— этнокультурных — *полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность; радикальные проявления этносепаратизма, терроризма*, как результат, первичности этнической, конфессиональной идентичности в ряде регионов России (9), несформированности в них системы социально-политических структур, преобладания патриархальных связей, соответствующих особенностям локального мировоззрения, мироощущения и мировосприятия;

— социально-демографических — *ценностно-мировоззренческий «разрыв связи времен»*: рассогласование синхронного и диахронного срезов бытия; нарушение принципа: «Отечество есть народ, взятый в его истории, а идея „Общей Судьбы“ — первое условие существования народа в настоящем и будущем» [1. С. 19];

— глобальных — *универсализация и одновременно атомизация элементов общественного сознания*, с одной стороны, как результат транспарентности границ между национальными образованиями, что ставит под вопрос перспективы нациигосударства как жизнеспособной модели общественного устройства, с другой стороны, как реакция на процессы глобализации, усиливающая потребность в определении и признании своей аутентичности, мировоззренческой идентичности на локальных уровнях [12. С. 46—49];

— информационных — *искусственный характер формирования каналов СМИ и МК, высокая степень «внешнего» информационного влияния*, как результат, с одной стороны, устранения информационных барьеров в постсоветский период, расширения доступа к различным информационным ресурсам, но, с другой стороны, необъективности российских и мировых СМИ и МК, формирующих сетку вещания, отвечающую интересам крупного международного капитала;

— геополитических — *поиск баланса собственной национально-цивилизационной самобытности с объективными трендами мирового развития*, который позволит обосновать внешний аспект макроидентичности России — ее *геополитическую* составляющую, формирование которой происходит в значительной степени под влиянием споров «об особом пути» развития, отвечающем специфике России как государства, нации и цивилизации;

— символических (10) — *инструментально-политический; эстетический; идейно-ценностный* [11. С. 108] аспекты идентичности, значимость которых обосновывается тем, что идентификационные процессы на государственном уровне предполагают «идентификацию индивидов или групп с *политически значимыми символами*» [11. С. 108], т.е. символическое пространство политики, оперируя в качестве инструментов конструирования идентификационных структур метафоризацию и мифологизацию, обуславливает содержание и специфику структур макроидентичности России;

— идеологических, для преодоления которых целесообразно определить механизмы и диагностировать характер взаимодействия дискурсивных полей идеологии и идентичности (11) в российском «идеальном» пространстве сегодня, отталкиваясь от трех основных вариаций: *полное совпадение* (например, СССР

в 50-е гг. XX в.); *абсолютное несовпадение* (РФ начала 1990-х гг.); целевой вариант — их конструктивное взаимодействие как необходимое условие этапа становления российской политической идентичности, учитывая особую значимость этих ограничений в связи с тем, что идентичность является индикатором витальности и эффективности идеологии, а идеология (12) — это среда формирования и последующих трансформаций идентичности.

Взаимодействие дискурсивных полей политической идентичности и идеологии в значительной степени детерминировано общемировыми тенденциями в данной области: доминантной позицией неолиберальной концепции как своего рода синтеза ценностных ориентиров классического либерализма, социал-демократии, неоконсерватизма, модифицированных применительно к условиям современности. Подобный идеологический «микс» условно расположился в центре лево-правого спектра, что позволяло обеспечивать эксплицитный консенсус по ключевым вопросам, но не учитывало латентных процессов, формирующих альтернативные течения и политику идентичности на уровне локальных социумов, что, в частности, объясняет несостоятельность российской версии неолиберальной системы.

Обобщение результатов отечественного и зарубежного научного и общественно-политического дискурса позволяет зафиксировать как минимум шесть нижеследующих вариаций идеологического пространства:

— «постидеологический мир» как продукт постмодернистской философии, которую можно квалифицировать как специфическую идеологию информационного общества;

— «старые идеологии против новых»: традиционные идеологии общества модерна уступают свое место альтернативным неоанархистским течениям сетевого характера;

— «идеология виртуального сообщества», обеспечивающая интересы его социальных слоев: нетократов и консьюмтариата [2];

— «мозаика локальных идентичностей» как результат «политики признания» (термин Ч. Тэйлора) и реализации мультикультурального проекта;

— «глобализм» как модификация неолиберального проекта, обосновывающая примат экономического, материального пространства над социально-культурным, духовным;

— «агрегативная метаидеология» (13) как результат плюралистического континуумного взаимопроникновения идейно-политических течений в совокупности с трансформацией идентификационных структур в сторону укрепления их мировоззренческой, морально-этической составляющей на локальном уровне и конвергенцией всего спектра философско-мировоззренческих доктрин; традиционных идеологий общества модерна; их *неомодификаций*; альтернативных радикальных и умеренных идеологий; частных, локальных идейно-аксиологических течений. Данная вариация, очевидно, отвечает требованиям третьего целевого варианта и обладает наибольшим потенциалом для того, чтобы стать достойной альтернативой неолиберальному проекту, а роль России в ее поиске и формировании может стать определяющей.

Но, несмотря на существенное влияние общемировых трендов, в ходе становления политической идентичности России нельзя не учитывать специфику отечественного идеологического пространства последних двадцати лет, обусловленную характером идентификационных структур и процессов (см. выше).

Тотальная дискредитация советской идеологии, последующие процессы деидеологизации, «либерализации», осуществленные «наспех и вручную», уже к середине 1990-х гг., обнажили несостоятельность «постперестроечной» версии российского общества, что послужило импульсом для начала своего рода «ренессанса» идеологического дискурса.

На данный момент анализ российской идеосферы позволяет зафиксировать следующие ее особенности:

— традиционные идеологии лево-правого спектра (но *каждая по отдельности* и в их *исторически первичных формах*), которые выполняли роль идейной, мотивационной базы классового общества, утратили свою релевантность в условиях сегодняшней усложнившейся и качественно изменившейся политической практики;

— состояние идеологического дискурсивного поля современной России можно представить в виде совокупности «идеологических гибридов», находящихся в состоянии континуумного взаимодействия, что в перспективе может стать благоприятной средой для становления идеологии качественно новой природы (агрегативной метаидеологии);

— новую идейно-аксиологическую систему, которая бы отвечала одновременно и специфике России, и актуальному состоянию мирового пространства, необходимо искать на стыке всех идеологических направлений, как своеобразный результат их синтеза (14), причем научный дискурс позволяет зафиксировать среди российских ученых популярность трехполюсной градации (15) идеологического пространства постсоветской России, что соответствует триединому характеру идентификационных структур.

Отгалкиваясь от совокупности объективных характеристик постсоветских лет, можно постулировать, что, несмотря на турбулентность процессов трансформации ментальных образований «постсоветского человека», в качестве их совокупного результата на всех уровнях можно зафиксировать синтез досоветских, советских и либеральных идентификационных структур, разумный баланс которых обеспечит становление и укрепление политической идентичности России как макроментального конструкта, одновременно соответствующий трехполюсному характеру ее идеологического пространства: консерватизма, социализма, либерализма и их модификаций.

Идеологический «микс», представленный на рис. 2, предполагает возможность конструктивного сочетания нижеследующих аксиологических принципов в качестве базиса российской политической идентичности.

1. *Либеральное направление*: а) абсолютная ценность человеческой личности; изначально (от рождения) равенство всех людей; б) признание определенных неотчуждаемых прав человека; в) разум; вера в прогресс; г) меритократия; д) теория и практика правового государства; конституционализм.

2. *Консервативное направление*: а) традиция; б) общая история, культура, истоки; в) органицизм в государственном устройстве; г) культ сильного государства; д) приоритет целого над частью.

3. *Социалистическое направление*: а) общество: воззрение на человека как на общественное существо; б) особая роль социального равенства как условие общественной стабильности; в) солидарность; г) приоритет сотрудничества над конкуренцией, коллективизма над индивидуализмом; д) отношение к социальной защищенности всех членов общества как приоритету при решении социально-экономических проблем.

Выводы

Во-первых, анализ постсоветских лет позволяет зафиксировать три этапа кризиса, восстановления (ревитализации) и конструирования макроидентификационных структур через обращение к образцам коллективной памяти в сознании россиян, лимитированное определенной совокупностью факторов («сеткой» ограничений).

Во-вторых, переход к четвертому этапу естественного последовательного становления политической идентичности «постсоветского человека» требует обращения к опыту советского периода, а именно: первичности политической идентичности (на макрогосударственном уровне) по отношению к индивидуальному и мезогрупповому уровням в «иерархии идентичностей», а также наличия научных и политико-правовых основ.

В-третьих, состояние идеологического пространства России в контексте современности детерминировано, с одной стороны, всей совокупностью общемировых тенденций, с другой стороны, спецификой трансформаций всех сфер жизнедеятельности в историческом развитии страны за последние двадцать лет, что, одновременно, соответствует периодизации и характеру протекания идентификационных процессов.

В-четвертых, сложившийся синтез досоветских (консервативных), советских (социалистических) и постсоветских (либерально-демократических) элементов общественного сознания позволяет наметить те три группы аксиологических принципов, разумный баланс которых может послужить фундаментом для становления политической идентичности России в будущем.

И, наконец, в-пятых, главной задачей в перспективе становится поиск базовых элементов политической идентичности россиян как результата континуумного взаимопроникновения традиционных и альтернативных идейно-политических течений, их ценностных принципов, в совокупности с трансформацией идентификационных структур в сторону укрепления их мировоззренческой составляющей на всех уровнях «иерархии идентичностей». Тогда идеология, как концептуально-концентрированное выражение и логическое обоснование идентичности, будет способствовать ее конкретизации, операционализации и в перспективе сможет стать ее институциональным выражением на макроуровне, через рационализацию и адаптацию ментальных («идеальных») структур применительно к социально-политическому («материальному») контексту современности.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В данном ракурсе понятия политической и национально-цивилизационной идентичности совпадают по содержательному наполнению, так как речь идет о совокупности базовых идейно-ценностных ориентиров, общих для всего российского социума.
- (2) Конституция 1936 г. Ст. 1 гласит: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян»; Ст. 126. «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».
- (3) По сути, была теоретически обоснована целостная научная система, опосредовавшая все сферы жизнедеятельности социума: марксизм-ленинизм, как философская доктрина; политэкономия как экономическое обоснование; научный коммунизм как социально-политическая стратегия.
- (4) Ст. 13 ч. 1, 2 Конституции РФ 1993 г.: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» скорее содержат в себе не запрет на идеологию вообще как мировоззренческую, мотивационную основу социально-политических процессов, а скорее табуируют возможность формального единоначалия какой-либо традиционной идеологии.
- (5) Особым нападкам подверглись Октябрьская революция как отправная точка режима, марксизм вообще и коммунистическая идеология в частности, Сталин, образ которого приобрел демоническую окраску, что едва не привело к его мистификации, период «застоя», который казался естественным следствием советской системы и ее единственно возможным воплощением и т.п.
- (6) Отправной точкой популяризации идеологического дискурса этого периода условно можно считать призыв Б.Н. Ельцина найти и сформулировать национальную идею страны в качестве базиса идентификационных ментальных структур в массовом сознании.
- (7) В сознании россиян вновь «оживают» примеры героических событий: Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтавское и Бородинское сражения; и персонажей: А. Невский, Дм. Донской, А.В. Суворов, М.И. Кутузов; по-новому осмысливается роль царской семьи, в т.ч. Николая II, и т.д.
- (8) В число центральных событий, определяющих идентификационные макроструктуры в сознании россиян, вошли события Советской России: победа в Великой Отечественной войне, первые послевоенные годы, первый полет в космос и т.п.
- (9) Ставший уже хрестоматийным пример — кавказский регион, район наибольшей социально-политической напряженности, где большинство населения — мусульмане, которые проходили те же этапы социально-политического развития, что и остальные регионы страны, но после них и отдельно от них, что, в определенной степени, помешало им органично влиться в основной поток общественно-политического развития страны.
- (10) Вариантом решения задачи геополитической идентификации России (с определенными оговорками) может быть восходящая к Х. Маккинтеру трактовка России как Сердцевины земли (Heartland), которая одновременно является Осью Коловращения Истории (Pivot Area of History), поскольку по своим краям оказывается вовлеченной в мировое развитие,

тогда как основная ее внутриконтинентальная масса остается непроницаемой для внешних веяний. Так, предназначение Сердцевины Земли может быть усмотрено в том, чтобы служить своего рода стабилизатором мировых процессов, обеспечивая устойчивость развития.

- (11) Государственная символика сегодняшней России представляет собой своего рода «ре-мэйк» символики Российской империи (флаг, герб) и СССР (музыка гимна, красное знамя ВС России, использование праздничных дат и т.п.), что наглядно демонстрирует синтез досоветской и советской составляющих идентичности, характерный для третьего периода.
- (12) Хотя ряд исследователей противопоставляет политику идентичности, которая понимается как политика признания культурных, этнических, конфессиональных особенностей той или иной группы, страты, и идеологическую политику, которая выступает в качестве квинтэссенции общих, претендующих на универсальность идей, унифицирующих гетерогенное население.
- (13) Идеология понимается как целостный, внутренне связанный набор идей, который выражает рациональные (интересы) и аксиологические (ценности) основания социума; служит основой политического порядка; является базисом модели будущего устройства общества и методов его достижения.
- (14) В качестве дефиниции идеологии качественно новой природы предлагаются различные варианты: «интегративная идеология» (Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.К. Пантин), «собирательная идеология» (М.В. Ильин), «консенсусная метаидеология» (Л. Бызов, М. Бокков, М. Тарусин), «контридеология» (Дж. Шварцмантель) и т.д.
- (15) В числе слагаемых новой идеологической системы должны быть учтены: а) исторически традиционные для России идеологические формулы (православие, монархизм, евразийство, русский национализм и т.д.); б) социализм и коммунизм, объективно также ставшие традиционными для российской политической истории; в) альтернативные виды идеологических течений, которые, несмотря на их легковесность, специфичность и фрагментарность, позволят конкретизировать и актуализировать идеологический фон применительно к современным тенденциям развития общества.
- (16) Примеры «идеологических» полюсов: советизм, западнизм, феодализм («фундаментализм»); почвенники, западники, коммунисты; коммунистическое направление (фундаменталисты, социал-демократы), национал-патриотическое (производное кризиса национальной идентичности) и либерально-демократическое (радикальное, консервативное или государственническое, социальное).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К.* Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // *Полис*. — 1997. — № 3.
- [2] *Бард А., Зодерквист Я.* *Нетократия*. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
- [3] *Бенуа де А.* Против либерализма. К четвертой политической теории. — М.: Амфора, 2009.
- [4] *Биллингтон Д.* Россия в поисках себя. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [5] *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. — М.: Астрель, 2008.
- [6] *Климов И.А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т.Г. Стефаненко. — М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
- [7] *Комаровский В.С.* Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы: материалы методологического семинара. Москва. 10 ноября 2009 г. — М.: РАГС, 2010.

- [8] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007.
- [9] Национальная идея: страны, народы, социумы. — М.: ИС РАН, 2007.
- [10] *Оганисян Ю.С.* Россия перед вызовами глобализации: проблемы идентификации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. — М.: ИС РАН, 2008.
- [11] *Пантин В.И., Семенов И.С.* Проблемы идентичности и российская модернизация. — URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm>
- [12] *Поцелуев С.П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. — М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
- [13] Российская идентичность в социологическом выражении. — Аналитический доклад. — ИС РАН, 2007.
- [14] Россия в поисках идеи. — М.: Известия, 1995.
- [15] *Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. — 2010. — № 3.
- [16] *Слонов Н.Н.* Четвертый полюс идеологического поля // Россия: новая стратегия развития. Сборник докладов лауреатов и дипломантов II Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Идеи для России — 2005». — М.: Фонд «Единство во имя России», 2006.
- [17] *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/fileserver/12/07_timofeev.pdf
- [18] *Фадеева М.А.* Этнонационализм в политическом дискурсе постмодерна // Полис. — 2006. — № 4.
- [19] *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. — М.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.
- [20] *Giddens A.* Beyond Left and Right — the Future of Radical Politics. — Cambridge: Polity Press, 1994.
- [21] *Taylor Ch.* The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

THE POLITICAL IDENTITY OF RUSSIA: REALITIES, FEATURES, TRENDS (experience of post-soviet period)

N.A. Korovnikova

The Department of Government and Municipal Management
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the nature, dynamics, processes of identification factors of Russian society during the last 20 years. The author focused his attention on the interdependence of political identity and ideological spaces of modernity. The paper shows trends and prospects for the formation of the basic elements of political identity in the post-Soviet Russia on the state level.

Key words: political identity, ideology, political consciousness, post-Soviet Russia.